

Юность в солдатской шинели.

Я родилась в Сталинграде в 1923 году в рабочей семье. Жили на Тракторном заводе, в коммуналке. Общая кухня на 5-6 семей, беспрестанно коптят керосинки. Отец Федор Дмитриевич работал Тракторном заводе, мама Пелагея Игнатьевна дома с четырьмя детьми. Отец участвовал в боях на Халхин-Голе и в зимней финской войне. Не обошла его и Отечественная. Мы трое служили в войну: папа, я и брат Николай. По переписке я знала, где воевал папа. Когда вышел приказ Сталина, разрешающий родственникам воевать в одной части, папа очень хотел перевести меня к себе. Но как? Он воевал в танковом полку, а я в пулеметном. Встречи не получилось. В последнем письме писал: «Ничего, доченька, войне конец, скоро демобилизуемся и встретимся». Он погиб под Берлином. Извещение настигло меня дома, когда я вернулась с войны.

В тридцатые годы жизнь кидала нашу семью, как перекасти поле. Раскулачили деда по матери, сосали в ссылку. Отец сдал свою долю в коммуну и завербовался с семьей на Дальний Восток. Помню, загрузились с вещами в теплушку и поехали в Хабаровский край. Обосновались в Дормидонтовке. Потом будет Бaley Читинской области и разъезд на ст. Оловянная. После восьмого класса я с подружками поехала учиться на воспитателя детского сада в город Абакан Красноярского края. Поступила, но училась мало: грянула война. На базе средней школы (огромное четырехэтажное здание) развернули госпиталь. Нас, комсомольцев педучилища, и направили переоборудовать школу в госпиталь. Из Харькова в Абакан эвакуировали 70-й госпиталь, оттуда же прибыл обслуживающий персонал. Начали поступать раненые. В ночь разгружали по 2 – 3 эшелона. Здесь я пережила первое шок. Молодые ребята без рук, без ног ...Жара стояла невероятная. Откроешь рану – черви кишат, но рана чистая. Мы санитарки, однако, не хватало медперсонала и мы, подучившись, на практике, выполняли некоторые обязанности медсестер. Из госпиталя не уходили сутками. Раненых распределяя по патам – рядовой и офицерский состав отдельно. У меня офицерская палата, а они ни в какую не хотят лежать отдельно: на фронте были вместе и здесь будем вместе. Я все папу смотрела, и весь город стоял у санитарных поездов, когда поступали раненые с фронта: искали своих. И находили. От себя отрывали – приносили раненым еды. Попала я в хирургическое отделение. Поначалу не могла смотреть на страдания, в глаза ребятам не могла смотреть. Они такие молодые, красивые – и калеки. В приемную – после бани – разместили их, они сами говорят: «вот его сначала на операционный стол, я подожду». Как они терпели такую дорогу и боль, понять невозможно. Лекарства были, но обезболивающих мало. Шины кое у кого – приклад от винтовки. Потом все это: Инты, обмундирование, ампутированные конечности – мужчины-санитары сжигали в топках.

« Я больше не могу, - сказала как-то хирургу Анастасии Федоровне. Отпустите на фронт, повестка же мне пришла». «Нет, девочка,- отвечает. – Ты пока здесь нужна. Я тоже сначала не могла. Мне посоветовали: а ты закури». И она мне порекомендовала то же самое. Я закурила и задохнулась.

А вскоре подали вторую повестку. Тогда, в июне сорок третьего, продолжали формировать сибирские дивизии. Из Абакана мобилизовали 950 девушек и молодых женщин. Собирались недолго. Моя хозяйка Валентина Зинченко собрала продуктов: сала, хлеба. Сестра у нее в деревни жила. А кто и совсем налегке поехал. Страху почему-то не было. Призвали, значит надо. Высадились в Сталинградской области, в Камышине. Разместили в разрушенной церкви. Места там скудные. Деревни бедные и пустые. Здесь до войны жили поволжские немцы. Их разметало по стране и, кстати, в Гусиноозерске есть у меня давняя подруга (мы с ней вместе на ГРЭС работали) Ирма Алексеевна Зоммер. Она до сих пор на русском с акцентом говорит, а вот дети, бывали по-немецки нет-нет да двойку схватят.

Итак, мы в прифронтовой полосе. Вымылись в бани, обстригли косы. Майор и говорит: «Ну, красавицы, будем наряжаться». Получили обмундирование: юбки, гимнастерки, сапоги, береты, и перед строем вручили нам погоны. Их недавно ввели. Обучили стрельбе из автомата, пулемета ДШК, приняли присягу и разослали нас по точкам вдоль волжского берега. Внизу моряки, мы выше. Я попала в роту связи при 30-м пулеметном полку. Профессию телефониста освоили быстро. Задача была держать связь с КП. Там не различали, кто должен ликвидировать обрыв провода. Тащить катушку, «зуммер», автомат. Где бежишь, где ползешь, восстанавливаешь нарушенную связь. Называли нас «полевой телефонист». Случалось 2-3 порыва провода, много наставлять приходилось. Проверяешь «зуммером». Ящик деревянный, тяжелый. Позже поучили от союзников американские аппараты ЕЕ-108-А. Они легче, пластмассовые, в тонко выделанной кожаной сумке. Но у них очень громкие сигналы. Если немцы близко, могли услышать. Мы убавляли звук. И провода тонкие, легкие, рвались даже от резкого порыва ветра. Наши были надежней.

Здесь, под Сталинградом, пережили первые бомбежки. Приходилось делать всякую работу. Помогали санитарам, собирали раненых, убитых. А однажды меня отправили сопровождать в полк солдата-дезертира. Здоровый дядя. Наши его поймали, стальной проволокой скрутили назад руки. Пока 7 километров шли, они у него почернели. Веду его лесом, через овраг и мост,- палец на спусковом крючке автомата свело, занемел, еле потом разжали. «Если что,- наказывал старший лейтенант, - бей по ногам».

Из-под Сталинграда перебросили нас на Белорусский фронт. Шли через Оршу, Борисов, Смоленск, Минск. Последовательность городов забыла. Немцы отступали. Самой большой радостью было, когда брали города и когда заиграли наши «Катюши». Где ж они раньше были, «Катюши»? Как до Волги немцев допустили? Фашисты ведь напились волжской воды. Немцы очень охотились за этим оружием. Его устройство было строго секретно. Если что-то не срабатывало, установку взрывали чтоб не попала в руки врага.

Нас было много в роте – девушек, молодых женщины. Жили как сестры. Нина, Валя из Новосибирска. Уважали старшину службы Веру Алексееву. Одна девушка-еврейка присягу приняла, но автомат в руки не брала. Ее потом куда-то перевели. В Смоленске я потеряла любимую подругу Машу Петрову. У нее вся семья погибла. Отец был командиром партизанского отряда, брат летчик погиб, мать немцы расстреляли, муж сгорел в танке. Мы на задание часто ходили парой. Она нас всегда учила: «На столбы лазите – пояса берите обязательно, пристегивайтесь». А тут бои в городе. Она заторопилась. Залезла на столб, а ее немецкие снайпер снял. Она упала навзничь, задержавшись на «кошках» и головой об столб. И пояс бы ее не спас, но вот так случилось. Все суставы на ногах вывернуло. Я ее век не забуду. Похоронили Машу вместе с другими в братской могиле. Воронку от снаряда подправили – вот и могила. Гробов, конечно, не было. Завернули в плащ-палатку, поставили крест и написали химическим карандашом: «Командир отделения, старший сержант Мария Петрова». Она погибла за свой родной город, где родилась и выросла. Здесь же, в Смоленске, я была ранена, но легко: осколок попал в ногу. В госпитале не осталась. В тот день я раненого доставила туда, а сама после перевязки сбежала домой, в роту.

Наши пулеметчики и приданные нам зенитчики охотились за самолетами. Поначалу мы плохо различали самолеты, а потом стали различать не только по фюзеляжам и «оперении», но и по гулу. В нашей роте был расчет девушек-пулеметчиц. Они все были из Татарии. Когда одну убили, на ее место встала Степа Павлова, русская. Об этом расчете ходили легенды. Девушки приспособились сбивать фашистские самолеты на бреющем полете. Четверо были представлены к званию Героя Советского Союза, но весь расчет погиб от немецкой бомбы.

Наше следующее направление – Карело-финский фронт, город Кандалакша. Я служила связистом на аэродроме. Был здесь пост ВНОС, воздушное наружное оповещение связи. Мы сообщали, какие самолеты уходят на задание, какие возвращаются. Некоторые экипажи возвращались ранеными. А был и такой случай. Улетел на задание Степан Бахтин. Летал он на самолете ПЕ-2 – двухкилевом штурмовике с подвешиваемыми бомбами. И кто-то сунул ему в кабину фляжку со спиртом. Он и приложился, да видно не раз. Отбомбились, но снаряды еще остались. На обратном пути видит: идет эшелон. Степан развернулся и на бреющем давай поливать. На аэродроме их уже потеряли. И вдруг появляется самолет. Подруливает. Тут еже командиры, санитарная машина мчится, пожарная. Мало ли что. Откидывается стекло, показывается штурман Степана Бахтина – совершенно седой, белехонький. Через фюзеляж на крыло и спрыгивает. Все к нему: что случилось? Что с Бахтиным. Он кивнул в сторону самолета.

- Вытаскивать его надо.

- Убит? Ранен?

А тот уже вываливается из самолета с песней: «Небо наш, небо наш родимый дом»... Думал Степан, что отлетался. Он любил небо, и был час,

отчаянный, дерзкий, смелый, удачливый. Отдыха не знал. Прилетит с задания, заправится и опять летит.

Вскоре вызвали его в Москву. Вернулся Степан Бахтин в часть Героем Советского Союза.

На Кандалакше мы стояли долго. Территория здесь уже была освобождена. И связь была другая. Приходилось доставлять пакеты в полк, в батальон. Спрячешь пакет, идешь 3 километра до станции и ждешь поезд. Пассажирских не было. Залезешь в товарняк и по дороге спрыгнешь. Хорошо если снег. Стали давать нам маленький пистолет. Но он мне ни разу не пригодился. Сейчас думаю: и как ничего не боялась. И как все обошлось. Будто не с нами это было.

Охраняли мы мост, по которому поступали через Мурманск продукты от союзников. Однажды немцы разбили эшелон. Что вы думаете? Хлеб, круглый, в целлофановых пакетах с этикеткой «1938 год». Он упакован в ящиках, сухой, но размочишь – как печенье. Колбасы, сыры, галеты, шоколад – кто видел деликатесы на фронте? Нас тогда подкормили после пшенки, ячневой каши, да супа, в желтых банках, откроешь - запах не передать.

Хочется вспомнить и наших командиров. Командующим фронтом был Рокоссовский. Командир роты Княгинин говорил, что у него не было одной ступни. В Минске приходилось близко видеть командующего. Высокий, красивый поляк. После освобождения Минска Рокоссовский выводил войска на парад. Штрафников Рокоссовского немцы боялись больше всего. Штрафные роты посылали на самые опасные участки. О победе я узнала в Бресте. Открылась такая стрельба, стало светло, хоть иголки собирай. Всю войну прошел с нами командир роты Владимир Александрович Княгинин. Я ездила на встречу с однополчанами в Новосибирск. Вспомнили друзей, живых и павших. Мы были молодые, дружили, любили и очень строго относились к себе. Я находилась в действующей армии двадцать три месяца. Была медаль «За боевые заслуги». Только я ее после войны не сохранила. Сейчас сама не пойму, зачем привезла с фронта свой медальон, круглый металлический патрончик с двойной пробочкой. Все берегла, а дети пошли, и потерялся куда-то. И хорошо. Лишнее напоминание о войне.

После победы долго привыкала к тишине, синему небу, зеленой траве. Там бы два цвета – черный и красный. А еще не привычнее было после шинелей, мужских ватников и кирзовых сапог, носить платье и туфли.

Первое время идешь в гражданской, а на встречу офицер – рука невольно тянется честь отдать. На фронте трудно было сон побороть. Мечтали выспаться, да не в снежной ямке, а в постели. Мечтали о семье. Со своим будущим мужем, Геннадием Ивановичем, встретились в Чите, где оба еще служили после войны. У нас дети, внуки есть. Детям я Мао рассказывала о войне: она была слишком тяжелая